

Л.С. БУРЧИНОВА

РОССИЙСКИЕ РЕФОРМЫ В КАЛМЫЦКИХ КОЧЕВЬЯХ

К 60-м годам XIX в. Россия вплотную подошла к буржуазным реформам – предвестнику значительных перемен в жизни ее народов. Как они отразились на калмыках практически до сего времени почти не изучено. Учитывая объемность этой темы, попытаемся обобщенно ее обозреть.

Для калмыков, предками которых являлись выходцы из Джунгарии /Западной Монголии/ – ойраты, вступление России в новый этап реформ совпал с 250-летним пребыванием в ней. За это время они прошли путь от становления кочевого феодально-вассального государства до его ликвидации и полного, безраздельного подчинения российским властям. Из прежней обширной территории кочевий в их пользовании остались преимущественно те, что находились на нагорной стороне р. Волги. За этими кочевьями закрепилось название "Калмыцкая степь". С проведением в конце 50-х годов XIX в. новой пограничной линии между Астраханской и Ставропольской губерниями кочевья Большедербетовского улуса, отчасти на Маныче территория Малодербетовского улуса были переданы в ведение ставропольского пристава кочующих народов. В подчинении главного попечителя калмыцкого народа, астраханского управления остались

другие калмыцкие улусы. Часть калмыков была временно зачислена в казачьи войска. Из них самой многочисленной являлась группа донских калмыков-казаков.

Пребывание калмыков в разных ведомствах создало бюрократические и другого рода затруднения в разработке единой политики по отношению к ним в связи с начавшимися реформами в стране. Это проявилось сразу же при попытке распространить на них основные положения крестьянской реформы 19 февраля 1861 г. Но как бы то ни было внутриведомственные различия оказались не первостепенными. Выявились более серьезные обстоятельства, приведшие к затяжному характеру подготовки и проведения названной и других реформ в калмыцких кочевьях.

В начале 1861 г. при Министерстве государственных имуществ была создана особая комиссия во главе с членом Совета государственных имуществ генерал-лейтенантом Е.Н. Норовым. Ей поручалось пересмотреть и изменить действовавшее законодательство о калмыцком народе "сообразно современному положению" его, обсудить вопрос об освобождении от обязательных отношений к нойонам и зайсангам трудовой массы, именуемой властями "простолюдинами". Однако создать комиссию оказалось проще, нежели всесторонне решить проблемы, связанные с переустройством калмыков. Выяснилась абсолютная неподго-

товленность правительства, тщательно скрываемая им пассивность.

В официальных правительственных кругах было чуть ли не расхожим мнение о том, что калмыцкий народ является одним из отсталых кочевых инородцев и продолжает жить давно устаревшими патриархально-родовыми порядками. Следовательно, делался вывод, он не способен осознать свое реальное положение, не говоря уже о том, чтобы самому внести конструктивные перемены в собственную жизнь. Поэтому проявляя покровительственно-попечительскую заботу, правительство было вынуждено взять на себя инициативу. Никто из тех же кругов не признавал открыто, что правительству, его крепостнической природе было противоестественным принимать и реализовывать буржуазные реформы, а взявшись за них, оно не отказалось от своей ранее поставленной задачи привести калмыков к "единым общим началам устройства и управления всего сельского и крестьянского состояния в государстве" ^I. В конечном счете все это не могло не предопределить и его тактику: не отказываться, но и как можно дольше не решать, — что и не замедлила продемонстрировать со всей очевидностью комиссия Норова.

Единодушно следуя официальным установкам, члены комиссии признали вполне возможным объявить лично свободными калмыков-простолюдинов, то есть освободить их из под власти владельцев-нойонов и

зайсангов. В выкупной операции они предложили руководствоваться действовавшим положением о денежном вознаграждении калмыцких владельцев за каждую крещеную кибитку-семью в размере, равным окладному сбору за 5 лет. Необходимые для этого денежные средства предполагалось заимствовать из общественного калмыцкого капитала, основным источником пополнения которого после реформы должен был стать тот же окладной сбор, но уже взыскиваемый с каждой кибитки-семьи калмыка. Что касается государственного управления калмыцким народом, то комиссия единогласно высказалась оставить его в принципе без изменений за одним исключением – вывести из местных органов управления нойонов и зайсангов, ограничившись выборами их на общественные должности. Поэтому-то буквально голословно прозвучало на одном из заседаний комиссии предложение главного попечителя Струкова присвоить российский княжеский титул нойонам Тюменю и Тундутову подобно тому, как это было сделано ранее относительно детей хана Дондука Омбо. ²

Воспользовавшись назначением на должность нового главного попечителя – К.И. Костенкова, министр государственных имуществ М.Н. Муравьев поручил ему выяснить, как относятся сами кочевники к предстоящим преобразованиям и в первую очередь к отмене обязательных отношений. Насколько извест-

но, ответ пришел в столицу малоутешительный. Местных владельцев не удовлетворяли начавшиеся преобразования. В последующем, как свидетельствовали факты, они выражали открыто свое недовольство со своей стороны. Главный попечитель считал, что сохранение окладного сбора лишит надежды плательщиков на списание накопившихся за ними недоимок, которое имело место, хотя и изредка, в административной практике их взыскания.

Ссылаясь на необходимость основательнее подготовиться к предстоявшим преобразованиям всех сторон жизни национальной окраины и особенно ее главного вопроса — отмены обязательных отношений, правительство решило пересмотреть предложения комиссии Норова и поручить главному попечителю Костенкову составить новые проекты. Ему предлагалось предусмотреть в будущей реорганизации государственного управления калмыками такие моменты, как ликвидацию улусных зарго /судов/, укрепление улусов и создание округов. Для проведения выкупной операции предлагалось главному попечителю кроме существующего источника — общественного калмыцкого капитала попытаться изыскать другие возможности. ³

Приступив к составлению новых проектов, К.И. Костенков столкнулся с необходимостью изучить особенности в устройстве и управлении калмыцким народом. Пока он занимался этим, российские власти успели санкционировать отмену крепостного права для

государственных и других категорий крестьянства, не исключая податное население ряда национальных регионов страны - Грузии, Северного Кавказа, Башкирии.

Вслед за крестьянской реформой в те же 60-ые годы были проведены буржуазные преобразования в области суда, местного самоуправления, народного просвещения и другие. В скором времени они переросли в контреформы.

Подвести калмыцкий народ под действие очередных государственных реформ оказалось нелегко, а в отдельных случаях невозможно по той причине, что на него не были распространены основные положения крестьянской реформы 1861 г. К тому же мешало продолжавшееся сохраняться разделение его по разным ведомствам. Несмотря на это некоторые преобразования в стране коснулись практически всех калмыков.

В 1867 г. Астраханское управление государственных имуществ получило предписание заведывать проживавшими в губернии калмыками на тех же основаниях, что и местными государственными крестьянами, но с учетом особенностей. В связи с этим прежнее Ордынское отделение было преобразовано в Управление калмыцким народом, которое просуществовало вплоть до революций 1917 г. Переселенческие крестьянские волости были выведены из подчинения главного попечителя. Несколько позднее на Дону

калмыки-казаки оказались в компетенции начальства вновь созданного Сальского округа.

Вследствие проведения в стране судебной реформы в Калмыцкой степи начал осуществляться за счет общественного капитала. прокурорский надзор астраханскими губернскими стряпчими. Кордонную службу в степи заменили полицейской. С постепенным распространением на калмыков общегосударственных судебно-следственных порядков за уголовные и другие преступления их начали подвергать административной ссылке и другим наказаниям.

Значительным моментом в проводившихся преобразованиях стало открытие при Астраханско-калмыцком училище двух отделений —фельдшерского и гимназического. В Астраханской гимназии учащиеся-калмыки были освобождены от обязательного обучения немецкого и славянских языков. Для них были введены уроки калмыцкого и татарского языков. В 1868 г. в Астрахани открылось первое национальное женское училище, а несколько позднее были созданы первые народные школы в улусах и аймаках, в том числе и классы для девочек-калмычек. Но в период контрреформ с усилением в стране административно-полицейского контроля за настроениями учащейся молодежи и преподаванием в учебных заведениях Астраханское калмыцкое училище и улусные школы перешли в ведение губернской инспекции народных училищ. Тогда же и было закрыто женское училище. С актив-

зацией руссификаторской политики в калмыцкой степи в 1878 г. открылись приходские школы для крещенных детей калмыков на урочищах Ноин-Шире, Лаган и в поселке Улан-Эрге. С 1890 г. в Астрахани начала работать двухклассная миссионерская школа.

Военная реформа была распространена только на калмыков-казаков. Введение всеобщей воинской повинности для основной части калмыцкого народа, проживавшей в Астраханской и Ставропольской губерниях, задержалось из-за непроведения реформы 1861 г. Некоторые отзвуки земельной реформы отразились в попытках упорядочить врачебную службу в степи. В Яндыковском улусе в 1866 г. была открыта первая лечебница.

Каждая из предпринимаемых мер по проведению реформ рассматривались властями как временные. Все принципиально важные перестройки перекладывались на будущее и связывались с готовившимися проектами по всестороннему преобразованию жизни кочевников. По всему было видно, что правительство не проявляло ни особого желания, ни тем более поспешности в этом вопросе.

Вслед одна за другой при Министерстве государственных имуществ создавались комиссии, которым поручалось разработать будущее устройство Калмыкии. После Норова поочередно их возглавляли товарищи

министра статс-секретари князя Д.А.Оболенский /1870-1872/ и А.А.Ливен /1873-1875 гг./, А.Н.Куломзин /1882 г./ и тайный советник В.И.Вешняков /1883-1892 гг./. Каждая из комиссий именовалась "особой". В бесконечных прениях и бюрократической переписке большого числа разных ведомств буквально тонула актуальность давно назревшей задачи – изменить положение калмыков с тем, чтобы распространить на нее общеимперские порядки. В архивных недрах Министерства государственных имуществ затерялись разработанные проекты главного попечителя Костенкова и других.

Деятельность комиссий, работавших с перерывами на протяжении 30-ти лет, преподносилась калмыцкому народу, общественности страны как особая забота правительства о его нуждах, отеческое внимание и милость самого российского монарха. Разумеется, истинные цели особо не афишировались. Материалы комиссий не публиковались. Изредка в печати появлялась информация о их деятельности.

В это время калмыцкие нойоны и зайсанги в союзе с верхушкой ламаистского духовенства выступили против намечавшейся перестройки. Они начали вести усиленную пропаганду за сохранение старых порядков. По этому поводу по их инициативе стали составляться прошения, созываться общественные сходы, собираться денежные средства на отправку в столицу народных ходатаев. В предпринимаемых ими действиях

отчетливо проявлялось нежелание расставаться со своими привилегиями. Отказываясь рассматривать свои взаимоотношения с подвластными как чисто владельческо-феодалные, причину обеднения народных масс они видели не только в изъятии земель из пользования степняков и передаче ее лучших участков крестьянам-переселенцам, но и в жестокой эксплуатации труда калмыков-отходников особенно на астраханских рыбных промыслах. Категорически высказываясь против отмены обязательных отношений и других своих привилегий, нойоны и зайсанги ходатайствовали о предоставлении им права на постепенный выкуп земли. В крайнем случае их устраивало введение оброчной подати за землепользование.⁴ Заботясь о личном благополучии, они стремились закрепиться как земельные собственники, что никогда не входило в планы правительства.

Развернувшаяся кампания в Калмыцкой степи против намечавшихся преобразований заставило правительство активизировать свои действия. Его тактический прием затянуть их решение, практически себя исчерпал. Утверждавшие в стране капиталистические отношения требовали соответствующей перестройки ее национальных регионов.

С вступлением в начале 90-х годов XIX в. на должность **министра** государственных имуществ М.Н. Островский нашел необходимым ускорить разработку проектов по переустройству Калмыкии. Однако требо-

валось еще 10 лет, чтобы сделать серьезный шаг к этому.

16 марта 1892 г. император Александр III утвердил мнение Государственного Совета об отмене обязательных отношений и преобразовании управления калмыцким народом.⁵ Данным актом всем калмыкам даровались личные права, которыми пользовались сельские обыватели в России. Навсегда отменялись права нойонов и зайсангов на подвластных, в том числе на взимание кибиточной подати в их пользу. За это им полагалось вознаграждение на условиях, предложенных еще в начале 60-х годов комиссией Норова, то есть путем выдачи из общественного капитала каждому владельцу суммы, равной 5-летнему окладу с находившихся на 1 января 1891 г. в их зависимости кибиток-семей простолюдинов. Владельцам, признанных особо нуждавшимися, по согласованию министров государственных имуществ, финансов и внутренних дел, выдавалось единовременное пособие из того же общественного капитала. В Астраханской губернии оно в общей сложности не должно было превышать 20-ти тыс. руб., в Ставропольской – 5-ти тыс. руб. Нойоны и зайсанги отстранялись от управления улусами и аймаками. Все накопившиеся недоимки по окладным сборам подлежали списанию. С 1892 г. калмыцкое население облагалось в доход казны 6-ти рублевым сбором в год с кибитки и всякого заменявшего ее помещения

для жилья. Указывался и порядок взимания кибиточного сбора.

В связи с отстранением нойонов, зайсангов от управления улусами и аймаками их обязанности временно перекладывались на улусных попечителей, их помощников и аймачных старшин. Избрание и утверждение последних должно было проходить соответственно ранее установленному порядку для выморочных аймаков. Председателями улусных судов утверждались попечители.

Учитывая незавершенность начатых преобразований в области административного, судебного управления, общественного устройства Калмыцкой степи и необходимость провести перестройку ее в поземельном отношении, министру государственных имуществ поручалось разработать соответствующие предложения и внести их на рассмотрение Государственного Совета. Таким образом вопрос о всестороннем переустройстве Калмыкии оставался нерешенным. Однако сама по себе отмена обязательных отношений имела важное значение для развития калмыцкого народа. Она знаменовала собой начало ликвидации давно отживших форм его общественных отношений. Уравнивая все бывшие привилегированные и непривилегированные сословия с российскими "сельскими обывателями", власти сделали более чем важный шаг на пути своей унификаторской политики.

Пока разрабатывались новые проекты, собира-

лись дополнительные сведения и обследовалось социально-экономическое и политическое положение Калмыкии, в стране назревала революционная ситуация, которая вылилась в первую народную революцию 1905–1917 гг. В общем потоке ее демократических сил выступило калмыцкое крестьянство и зарождавшаяся национальная интеллигенция. Незавершенность буржуазных преобразований, отсталый уровень развития, господство докапиталистических отношений обусловило характер и содержание участия калмыцкого народа в первой буржуазно-демократической революции в России.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2, Т. XXXIII, № 36651.

² Центральный государственный исторический архив Российской Федерации /далее– ЦГИА РФ/, ф.381, оп.8, Д.3736, лл.131–135.

³ Там же, ф.381, оп.12, д.7149, ч.1, л.24 об.

⁴ Там же, ф.385, оп.11, д.6769, лл.177–206 об.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3, Т. XII, № 8429.